

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо пролога. ПЕРЕБЕЖЧИК	8
1	18
2	22
3	25
4	29
5	35
6	40
7	48
8	54
9	63
10	68
11	73
12	79
13	83
14	90
15	103
16	107
17	112
18	115
19	124
20	131
21	136
22	147
23	154
24	157
25	164
26	167
27	177
28	181
29	186
30	199
31	201
32	209
33	213
Вместо эпилога. ТАЙНЫ ОСТАЮТСЯ ТАЙНАМИ	216
Библиография	221

Посвящается светлой
памяти моей матери
Сабановой Азы Игнатъевны

«Никому еще не удавалось
уклониться от выбора, перед
которым его ставит история»

Артур Таболов, «Шпион»

Вместо пролога.

ПЕРЕБЕЖЧИК

3 ноября 1947 года на военной базе британских ВВС вблизи Лондона совершил посадку тяжелый бомбардировщик «Ланкастер», прибывший из Берлина. В салоне было три человека: один штатский лет тридцати пяти, рослый, с резкими чертами лица, в габардиновом макинтоше и двубортном костюме; привлекательная женщина примерно того же возраста, модно одетая, и девочка лет восьми. Их сопровождала охрана из пяти солдат во главе с младшим офицером.

Самолет ждали. Как только он вырулил на стоянку и заглушил моторы, к трапу подкатил длинный черный лимузин с закрытыми шторками окнами. Охрана передала пассажиров «Ланкастера» трем штатским — их пересадили в машину, и лимузин в сопровождении джипа с автоматчиками выехал из ворот базы и направился в сторону Лондона.

Вечером того же дня в одном из домов на Кингстон Роуд раздался телефонный звонок. Хозяин квартиры взял трубку:

— Хопкинс, слушаю.

Звонил полковник Энтони Браун, один из заместителей директора МИ-5 сэра Перси Силлитоу, курировавший недавно созданный русский отдел британской контрразведки. Ветерану секретной службы Брауну было за шестьдесят — он начинал еще после Первой мировой войны, когда штат «Сикрет интеллидгент сервис» состоял всего из тридцати офицеров. В 1947 году их было около восьмисот. К этому времени СИС разделилась на контрразведку МИ-5 и внешнюю разведку МИ-6.

Звонок Энтони Брауна майору Хопкинсу был необычным. Напрямую они почти никогда не общались, все распоряжения передавались через начальника русского отдела.

— Вы мне нужны, Джордж, — слегка скрипучим голосом произнес Браун. — Дело срочное. Одевайтесь и выходите, машина ждет. Вы поняли?

— Да, сэр.

Срочные вызовы на службу во время войны были привычны, теперь они стали редкими. Хопкинс понял, что что-то произошло, но спрашивать не стал: о делах по телефону не говорят. Он надел шляпу и плащ, взял зонтик и вышел из дома. Машина уже ждала у подъезда. Это был темно-синий Austin Seven из гаража МИ-5 — очень популярная в те годы «семерка», — на ее лаке отражался свет уличных фонарей, затуманенный моросящим дождем. Водитель молча открыл перед Хопкинсом заднюю дверь, так же молча сел за руль и завел двигатель.

Этот район Лондона сильно пострадал от немецких «Фау-2». Часть домов начали восстанавливать, развалины других обнаруживали себя зловещими черными

провалами, прерывающими городские огни. Хопкинс предполагал, что его отвезут в Бленхеймский дворец, дворцовый комплекс в Вудстоке, в двенадцати километрах севернее Оксфорда, где с 1940 года располагались основные службы МИ-5. Но с Кингстон Роуд машина свернула на юг, прошелестела шинами над темной Темзой по Вестминстерскому мосту, пересекла безлюдные, словно бы настороженные, городские кварталы и вырвалась в пустоту, в ночь с мокрыми вересковыми кустарниками.

— Куда мы едем? — спросил Хопкинс.

— Куда надо, сэ, — вежливо, но как бы неохотно ответил водитель. — Будем на месте через сорок минут.

Оставалось ждать и молча смотреть, как навстречу машине летит лента пустого шоссе.

Джорджу Хопкинсу было тридцать лет. Перед войной он окончил Тринити-колледж Кембриджского университета со специализацией по славистике. Еще в детстве в мальчике обнаружилась способность к языкам. Он знал немецкий, свободно говорил по-французски, но самым любимым предметом считал русский язык. Хопкинс мечтал перевести на английский загадочного Достоевского и Чехова — не менее загадочного, но совсем в другом смысле. Те переводы, которые уже были, ему не нравились: они не передавали таинства текстов великих русских писателей.

Но карьеры переводчика не случилось. Началась война, Джорджа мобилизовали и направили в тот департамент Адмиралтейства, который вел переговоры по ленд-лизу с русскими союзниками. Дважды он сопровождал транспорт до Архангельска. Последний конвой

оказался неудачным, караван был атакован немецкими истребителями и бомбардировщиками, три большегрузных судна со «студебекерами» потопили. В бою Джордж заменил убитого стрелка зенитной установки. И хотя его неумелая стрельба никакого ущерба немцам не нанесла, а сам Хопкинс был ранен в плечо, командование оценило его храбрость и самообладание — его наградили Военной медалью. В госпитале к нему пришел незнакомый человек в военной форме без знаков различия, долго расспрашивал и предложил перейти на службу в контрразведку.

— Чем занимается эта служба? — спросил Джордж.

— Ловит немецких шпионов. Нам нужны такие молодые люди, как вы. Ваше знание языков найдет у нас хорошее применение.

— Могу я подумать?

— Конечно, можете, — усмехнулся незнакомец. — Три минуты вам хватит?

Через три минуты Джордж сказал:

— Согласен.

После краткосрочных курсов он получил чин лейтенанта и был зачислен в штат оперативного управления МИ-5.

В годы войны выявление германской агентуры было главной и единственной задачей контрразведки. В 1945 году, когда был захвачен архив абвера, выяснилось, что во время войны в Великобритании активно действовали сто пятнадцать немецких шпионов. Все они были выявлены и арестованы. Лишь один избежал ареста — он покончил жизнь самоубийством. Часть германских агентов была перевербована и поставляла

немцам дезинформацию, которую готовили аналитические службы МИ-5.

После речи Уинстона Черчилля в Вестминстерском колледже Фултона 5 марта 1946 года приоритеты британской контрразведки кардинально изменились. Через неделю в интервью «Правде» Сталин поставил Черчилля в один ряд с Гитлером и заявил, что тот призывает Запад к войне с Советским Союзом. СССР из союзника превратился в противника — началась холодная война.

Для МИ-5 это был очень серьезный вызов. Германской разведке всегда было трудно вербовать агентуру в Англии. Исторически сложилось так, что немцев там не любили и ко всему немецкому относились с настороженностью. Совсем другое отношение было к русским. В памяти британцев еще были живы воспоминания о совместной борьбе и общей победе над фашистской Германией. В Англии легально действовала коммунистическая партия, насчитывавшая около пятидесяти тысяч членов. Социалистические идеи имели широкое распространение среди интеллигенции. Все это создавало благоприятные условия для вербовки советской внешней разведкой шпионов и агентов влияния.

Попыткой противостоять этому стала реорганизация МИ-5. В ее структуре был создан русский отдел с самыми опытными контрразведчиками. Ему были подчинены все службы. Одним из сотрудников отдела стал майор Джордж Хопкинс.

Машина свернула с шоссе на проселочную дорогу и через некоторое время остановилась перед металлическими воротами.

— Приехали, сэр, — доложил водитель.

В глубине большого участка стоял двухэтажный особняк с колоннами у входа, просторными окнами второго этажа и забранными коваными решетками окнами первого этажа. Джордж хорошо знал этот дом. В начале войны он был арендован или куплен на подставное лицо хозяйственным управлением МИ-5. В нем проходили подготовку диверсионные группы перед заброской в тыл немцев: изучали радиодело, учились обращаться с взрывными устройствами, тренировались в стрельбе из всех видов оружия под руководством опытных инструкторов. За особняком, скрытые плотным строем дубов и кленов, находились небольшой стадион и тир. Джорджу приходилось здесь жить по месяцу и больше, контролируя подготовку диверсантов.

Два вооруженных охранника тщательно проверили документы прибывших и открыли ворота. «Семерка» проехала по аллее, посыпанной красным толченым кирпичом, и остановилась у входа в особняк. Здесь уже стоял тяжелый черный «даймлер» Энтони Брауна. Сам Браун, в сером сюртуке, с черным галстуком-бабочкой, сидел в кресле в просторной гостиной на втором этаже, курил трубку и читал «Таймс». Он был похож на респектабельного джентльмена на пенсии, отдыхающего в своем клубе, но никак не на матерого контрразведчика. «А на кого похож я?» — мимолетно подумал Хопкинс и сам ответил: «На мелкого банковского клерка».

Браун отложил газету и благожелательно покивал:

— Проходите и раздевайтесь, Джордж. Извините, что испортил вам вечер. Вы, вероятно, спрашиваете себя, что заставило меня это сделать?

— Мне интересно, сэр, — подтвердил Хопкинс.

— Сейчас поймете. Пойдемте, я вам кое-что покажу.

Браун выбил пепел из трубки в хрустальную пепельницу, сунул трубку в карман сюртука, тяжело поднялся с кресла и вышел из гостиной. Охраны в особняке не было видно, но Хопкинс знал, что она повсюду. По одному вооруженному человеку на каждом этаже, а то и по два.

Спустившись в подвал, Браун открыл окованную железом дверь. За ней была небольшая комната с низким потолком и узким, высотой во всю стену, окном. Из него была видна другая комната — побольше, ярко освещенная, с длинным столом посередине и четырьмя металлическими стульями вдоль него с привинченными к полу ножками. Она была на несколько метров глубже первой комнаты. Чтобы войти в нее, нужно было спуститься ниже в подвал.

Джордж знал, что это за комнаты. В большой проводили допросы, из маленькой следили за их ходом. Звук транслировался через скрытые микрофоны. Стекло было поляризованным. Оно позволяло наблюдателю видеть все, а самому оставаться невидимым.

По комнате для допросов от одной стены к другой ходил высокий, крепкого телосложения, довольно молодой мужчина с черными и странно подстриженными волосами — короткими на висках и длинными сверху. Такие прически Джордж видел у русских военных, они почему-то назывались «полубокс». Лицо у мужчины было хмурое, плохо выбритое или с отросшей щетиной. Одет он был в хороший черный костюм с накладными, по моде тех лет, плечами, но сидел он на мужчине так, словно был сшит на кого-то другого. Обычно так выгля-

дят штатские костюмы на кадровых военных, привыкших к мундирам. Мужчина курил папиросы, сминая мундштук в гармошку. На столе лежала самодельная зажигалка из винтовочного патрона и папиросная пачка с изображением всадника на фоне какой-то горы. Пепельница была полна окурков. Но что Хопкинса удивило больше всего: на мужчине были разные ботинки — черные, похожие друг на друга, но явно разные.

— Что скажете, Джордж? — поинтересовался Браун.

— Кто это?

— Перебежчик. Русский офицер, подполковник Токаев.

— У него не славянская внешность.

— Да, он осетин. Есть такая небольшая республика на юге России. Но нам важно другое. С 1945 года он был секретарем Союзнического Контрольного совета в Германии. Комиссию возглавлял маршал Жуков. Позже Токаев работал в Военном управлении Секретариата, занимался поиском немецких ученых, участвовавших в ракетной программе фон Брауна. Некоторое время назад он вышел на нашего человека в Берлине и сообщил, что хочет получить политическое убежище в Великобритании. Я дал согласие. Сегодня его доставили в Лондон. Его, жену и дочь. Инфильтрацию пришлось проводить срочно, обратились за помощью к ВВС. Никогда еще «Ланкастер» не летал с таким грузом.

— Как ему удалось оторваться от слежки? — удивился Хопкинс. — Да еще с семьей! Они же все были под пристальным наблюдением.

— Это нам и предстоит выяснить.

— Где сейчас его жена и дочь?

— В надежном месте.

— Вы хотите, чтобы я его допросил?

— Да, этого я и хочу. По-английски он не говорит. Вам придется провести с этим человеком не один день и, возможно, не один месяц. Он очень много знает. Вы поняли, какой самый главный вопрос, который нас сейчас интересует?

— Да, сэр.

— Приступайте.

По железной лестнице Хопкинс спустился в подвал. Охранник, вооруженный автоматом STEN, открыл тяжелую дверь. При появлении Хопкинса перебежчик остановился и хмуро, исподлобья посмотрел на него.

— Садитесь, господин Токаев,— дружелюбно предложил Хопкинс.— Давайте познакомимся. Меня зовут Джордж Хопкинс, я служу в контрразведке. Зовите меня просто Джордж. Я знаю, что вы не говорите по-английски. Будем говорить на русском. Как мне называть вас?

— Григорий. Что с моей семьей? Куда их увезли?

— Не беспокойтесь, ваша семья в безопасности. Ваша жена и дочь не испытывают никаких неудобств. Удовлетворите, Григорий, мое любопытство. Я обратил внимание, что на вас разные ботинки. Почему?

— Вам никогда не приходилось собираться в спешке? — вопросом на вопрос ответил Токаев.— Когда даже минута промедления смертельно опасна?

— Нет.

— А мне пришлось.

— При каких обстоятельствах это произошло?

— Вы не с того начали, Джордж. Вас сейчас волнует совсем другой вопрос.

- Какой же?
 - Не является ли мой побег попыткой советской разведки внедрить меня в Англию. Я прав?
 - Да, правы. Как вы ответите на этот вопрос?
 - Если я скажу «нет», вы же мне не поверите?
 - Не поверю,— согласился Хопкинс.
 - Вы не поверите ничему, что я скажу.
 - Такова специфика нашей службы.
 - В таком случае ответ вам придется искать самому.
- В последующие пятьдесят шесть лет, до самой смерти подполковника Григория Токаева, британский контрразведчик Джордж Хопкинс так и не смог ответить на этот самый главный вопрос.

1

25 апреля 1945 года шесть армий 1-го Белорусского фронта и три армии 1-го Украинского фронта начали штурм Берлина. Ранним утром 1 мая над Рейхстагом был поднят штурмовой флаг 150-й ордена Кутузова II степени Идрицкой стрелковой дивизии. 8 мая в 22 часа 43 минуты по центральноевропейскому времени в берлинском предместье Карлсхорст был подписан Акт о капитуляции Германии. Акт подписали начальник Верховного главнокомандования вермахта генерал-фельдмаршал Кейтель, генерал-полковник Штумпф и адмирал фон Фридебург. Безоговорочную капитуляцию Германии приняли маршал Жуков и заместитель главнокомандующего союзными экспедиционными силами британский маршал Теддер. В качестве свидетелей подписи поставили американский генерал Спаатс и французский генерал де Тассиньи.

Третий рейх перестал существовать, Германия была разделена на четыре оккупационные зоны. Американские войска заняли юго-запад страны, английские — северо-запад, советские — восток. За счет американской и английской, небольшую зону оккупации получила Франция. Весь Берлин был занят частями Красной

Армии. Это не устраивало союзников. Во время Потсдамской конференции в августе 1945 года министр иностранных дел Великобритании Бевин и министр иностранных дел СССР Молотов заключили соглашение, по которому союзники выводят свои войска из Тюрингии, а Советский Союз уступает им западную часть Берлина. Когда об условиях соглашения доложили Сталину, он выразил резкое недовольство, но Молотову удалось убедить его в правильности решения, потому что речь шла об одном из самых острых вопросов, которые поднимались в Потсдаме, — о германских репарациях.

Еще на Ялтинской конференции в феврале 1945 года была достигнута договоренность о том, что Германия обязана возместить ущерб в двадцать миллиардов долларов США, причиненный другим государствам, при этом 50% пойдет Советскому Союзу. В Потсдаме западные делегации изменили свою позицию, мотивируя это тем, что сумма репараций чрезмерна, так как Германия потеряла много земель, а ее промышленность разрушена. После трудных переговоров было принято предложение госсекретаря США Бирнса: общая сумма репараций не оговаривается, изъятия производятся из собственных зон оккупации, СССР получает из западных зон четверть демонтированного там оборудования. Но и на этом дискуссии не закончились. Сталин неожиданно заявил, что СССР отказывается от золота и зарубежных германских инвестиций и согласен на репарационные изъятия только из советской оккупационной зоны. Западных союзников этот вариант устроил, хотя они не поняли, чем вызвано заявление главы советской делегации. Они не знали, что бесконтрольные поставки промышленного